

ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

- 1 Қарабаева Қ. Қазақ тілі. Тәртіп сақшыларына арналған оқу құралы. – Алматы, 2008.
- 2 Мұхамадиева Н. К. Қазақ тілі. – Алматы, 2006.
- 3 Нурмагамбетов Р.Г., Айткалиева А.С. Казахско-русский, русско-казахский терминологический словарь для юристов. – Костанай: Костанайский филиал ЧелГУ, 2008.
- 4 Оразов К.Ж., Жандосов М.М. Русско-казахский толковый словарь по современной юриспруденции. – Алматы, 2007.

Резюме

Статья посвящена актуальной проблеме обучения казахскому языку. Автор рассматривает значение государственного языка в подготовке будущего специалиста.

Conclusion

The article is devoted to the research of the topical problem of teaching the state language. The author defines the status of the state language in preparing the future specialist.

СВОБОДА «ВНУТРЕННЯЯ» И «ВНЕШНЯЯ»

Бондаренко Ю.Я.

Нельзя освободить человека больше,
чем он свободен изнутри

А.И. Герцен

Один из важнейших аспектов проблемы свободы – это проблема «свободы внешней» и «свободы внутренней» и возможностей самореализации. Под «свободой внешней» в широком смысле этого слова мы интуитивно понимаем такие обстоятельства, при которых человек имеет возможность действовать в соответствии со своими волеизъявлениями и внутренними потребностями. О чем же тогда идет речь, когда говорится о «свободе внутренней», и насколько и каким образом она может быть связана со «свободой внешней» и насколько – автономна по отношению к ней? Справедливо или нет кредо древних о том, что можно быть свободным в оковах и рабом на троне? И если справедливо, то в какой мере? Приступая к размышлениям над этим, хотелось бы отметить, что понятие «внутренней свободы» неразделимо связано с понятием «свобода воли», которое, например, во «Всемирной энциклопедии философии» определяется как «способность человека к самоопределению в своих действиях» [1].

Другое, более развернутое определение: «Свобода воли – способность человека быть самостоятельной личностью в определении своих намерений, целей, поступков, исходя из собственного мировоззрения, рационального усмотрения» и ценностей [2].

Знаменитый французский автор XVII в. Жан де Лабрюйер писал о свободе в целом так: «Свобода – это не праздность, а возмож-

ность свободно располагать своим временем и выбирать себе род занятий; короче говоря, быть свободным – значит не предаваться безделью, а самолично решать, что делать и чего не делать...», добавляя при этом: «Какое великое благо такая свобода!»

Любопытно, что и толкование, и практическое применение этих и аналогичных им по духу и, казалось бы, совершенно однозначных суждений может быть далеко не однозначным, особенно, если речь заходит о представителях различных культур, что, например, с легкой иронией блестяще иллюстрирует А. Мелихов в своем новом романе «И нет им воздаяния».

«... Шарлотта, – рассказывает он, – шаркая галошами по степной горячей пыли, довела меня до кирпичного, совершенно по-родственному повествуя до чего ей не понравилось в Германии, – чистота такая, что плюнуть некуда, сорвала яблочко на обочине, так ее пилили-пилили, надо-де дожидаться, когда поспеют, а тогда уж выйти всем городком...».

«Свободы у них нет», – завершила она, что тут же подтвердил Стаська: «Хорошая у нас страна, послали проволоку искать – теперь до звонка свободен» [3].

Заметьте: и в этих мимолетных житейских суждениях речь, по сути, идет о том же самом, о чем писал Лабрюйер: о том, чтобы самолично решать, что делать (рвать или не рвать свободно висящее яблочко), и о возмож-

ности располагать своим собственным временем: пошел искать проволоку – «и до звонка свободен». Правда, навряд ли и Лабрюйер, и его остепененные исследователи могли предположить **такую** интерпретацию свободы и несвободы. Так что же такое – та свобода, да еще тогда, когда мы пытаемся осмыслить соотношение свободы внутренней и свободы внешней?

Начнем наше собственное рассмотрение этих проблем с вопроса о тех пределах, которые может ставить или не ставить «свободе внутренней» «свобода внешняя». Мировая художественная культура, равно как и видящаяся сквозь ее призму мировая история, дает нам множество примеров поразительной свободы духа и человеческого мужества, сохраняемых и даже крепнувших в самых «бесчеловечных» обстоятельствах. Это – и внутренняя сила раба Эзопа, и внутренняя свобода отправляемых на смерть первых христиан, и независимая мысль Яна Гуса и Джордано Бруно, и те молодогвардейцы, которые сами выбрали и прошли до конца выбранный ими драматический путь, и многие, многие другие, вплоть до сына Суворова – генерала, который погиб в реке, пытаясь спасти своего кучера.

Эти и множество иных историй гласят, что и в рабской неволе, и в темнице, и перед угрозой мучительной гибели либо в иных, не менее драматичных обстоятельствах находились люди, способные продемонстрировать свободу внутреннюю не только при ограничении, но даже, казалось бы, при полном отсутствии свободы внешней. Но свидетельствует ли это о том, что проблема оказывается решенной путем простого укрепления личной силы духа?

Пожалуй, не все так просто. С одной стороны, вполне возможны внешние ограничения, которые оставляют простор для полета души и мысли. Так, для автора этих строк одними из самых свободных во всей жизни были часы, когда во время армейской службы приходилось по двое суток проводить в сопках, охраняя огромные склады боеприпасов. Казалось бы, самый жесткий распорядок дня: два часа на посту, два часа сна и два часа в караулке – и так 48 часов, и при этом поразительная внутренняя свобода!

С другой стороны, всякие ли внешние ограничения оказываются совместимыми со свободой внутренней? Одно из самых потрясающих видений этой проблемы мы встречаем

в чеховской «Палате № 6». Вспомним страшную внутреннюю эволюцию главного персонажа этой повести – провинциального врача Андрея Ефимовича Рагина – достаточно образованного человека, физически сильного. Страдая от внутренней пустоты и неудовлетворенности и своим делом, и жизнью провинциального городка, он тянется к беседам с одним из своих пациентов, признанным душевнобольным. Мысли Андрея Ефимовича логичны и пропитаны мужественным духом античной, и прежде всего, стоической философии. Философии, которая уже тысячи лет назад учила, что следует искать опоры не в мире, а в самом себе. Почему? Да потому, что мир чужд логики и сантиментов. Когда больной интеллигент Иван Дмитриевич напористо вопрошает зашедшего к нему в палату врача, почему же именно его держат взаперти в больнице, тогда как «десятки, сотни сумасшедших гуляют на свободе», то Андрей Ефимович рассудительно отвечает: «Нравственное отношение и логика тут не причем. Все зависит от случая. Кого посадили, тот сидит, а кого не посадили, тот гуляет, вот и все. В том, что я доктор, а вы душевнобольной, нет ни нравственности, ни логики, а одна только пустая случайность» [4].

Что же при этом делать больному, который и бежать из своего узилища не может? «Успокоиться на мысли», что его пребывание в больнице необходимо: «Раз уж существуют тюрьмы и сумасшедшие дома, то должен же кто-то сидеть в них». К тому же наступит время, когда не будет ни решеток, ни халатов. В ответ на это больной с издевкой восклицает: «Воссияет заря новой жизни... восторжествует правда... Я не дождусь, издохну, но зато чьи-нибудь правнуки дождутся. Приветствую их от всей души и радуюсь за них!.. [4].

Однако доктор остается невозмутимым и обращается к больному, который в свое время и в университете учился, что тогда было далеко не столь частым делом, как ныне: «Вы мыслящий и вдумчивый человек. При всякой обстановке вы можете находить успокоение в самом себе. Свободное и глубокое мышление, которое стремится к уразумению жизни, и полное презрение к глупой суете мира – вот два блага, выше которых никогда не знал человек. И вы можете обладать ими, хотя бы вы жили за тремя решетками. Диоген жил в боч-

ке, однако он был счастливее всех царей земных» [4].

В ответ на это больной собеседник доктора восклицает, что этот Диоген был болваном. Когда же при новой встрече разговор возобновился, Иван Дмитриевич, ограниченный стенами палаты номер шесть, мечтательно произносит: «Теперь бы хорошо проехаться в коляске куда-нибудь за город, потом вернуться домой в теплый, уютный кабинет и ... и полечиться у порядочного доктора от головной боли... Давно я не жил по-человечески. А здесь гадко! Нестерпимо гадко!»

Сколько раз и в критической литературе, и на учебных занятиях упоминалась и препарировалась эта чеховская «Палата № 6». Но попробуем вновь внимательно проследить за развертыванием разговора, ибо здесь очень четко подмечены с точки зрения мыслителя и художника острейшие грани одной из самых жизненно значимых человеческих проблем. Доктор Рагин в ответ на сетования пациента философски продолжает: «Между теплым уютным кабинетом и этой палатой нет никакой разницы. Покой и довольство человека не вне его, а в нем самом.

- То есть как?

- Обыкновенный человек ждет хорошего или плохого извне, то есть от коляски или кабинета, а мыслящий от самого себя.

- Идите и проповедуйте эту философию в Греции, где тепло и пахнет померанцем (*возражает больной – Ю.Б.*), а здесь она не по климату. С кем это я вчера говорил о Диогене? С вами, что ли?

- Да, вчера со мной.

- Диоген не нуждался в кабинете и в теплом помещении, там и без того жарко. Лежи себе в бочке да кушай апельсины и оливки. А доведись ему в России жить, так он не то что в декабре, а в мае запросился бы в комнату. Небось, скрючило бы от холода.

Нет, холод, как и вообще всякую боль, можно не чувствовать. Марк Аврелий сказал: «Боль есть живое представление о боли: сделай усилие воли, чтоб изменить это представление, откинь его, перестань жаловаться, и боль исчезнет». Это справедливо. Мудрец, или проще говоря, мыслящий, вдумчивый человек, отличается именно тем, что презирает страдание; он всегда доволен и ничему не удивляется».

Собеседник возражает, утверждая, что человек по самой своей природе – чувствующее существо, учение же стоиков было для богатых и тех, для кого все есть, и у него нет будущего.

Так кто же прав в этом споре? В повести Чехова ответ дает сама жестокая и неприкрашенная жизнь: когда врач сам оказывается на больничной койке, причем в той же самой палате, он в буквальном смысле слова погибает, не вынеся унижения и физической боли.

Касаясь этой же проблемы, но используя иные примеры, современный российский философ М.А. Секацкая пишет: «Можно, конечно, рассуждать, что, к примеру, и связанный Сократ может оставаться хозяином своих желаний и, следовательно, быть внутренне свободным. Но «интуитивно понятно, что утверждение «Сократ свободен, даже когда связан» это словесный трюк: физическая не-свобода, оставляя место только свободе желания, устраняет возможность сделать выбор и повлиять» на ход событий. Таким образом, «есть ситуации, когда физическая свобода и есть собственно свобода, и в любой ситуации она составляет необходимое условие повлиять на ход событий» [5, 85].

В абсурде же с одним антрактом, поставленном немецким театром РК по пьесам известного польского автора Славомира Мрожека, автора, не понаслышке знакомого с кульбитами свободы в XX веке, мы встречаем гротескную сцену – ситуацию с ограничением внешней свободы. Два совершенно разных человека, оказавшиеся в замкнутом пространстве, из которого они не могут выйти, и мало того, их возможности действовать все более и более ограничиваются. Один из персонажей утверждает, что он все равно чувствует себя внутренне свободным и поэтому искать выход ни к чему, другой же, наоборот, стремится действовать. Но в итоге, несмотря на различие в характерах и внутренних установок, оба испытывают практически одинаковые ограничения своей внешней свободы. Некой надличностной силой, вихрь которой замкнул их во всесужающееся пространство свободы действительный, нет дела до внутреннего мира и самоощущения тех, кто оказался втянутым в водоворот событий [6].

И разве не были такими водоворотами – воронками мировые и гражданские войны и

похрустывающие по костям и нервам людей масштабные преобразования?

Были. И в «абсурде» Мрожека рассуждения о внутренней свободе – лишь попытка совершить бегство от непостижимой и надчеловеческой реальности, изменить которую человек оказывается не в силах. Но попробуем взглянуть на проблему иначе: не как на вопрос о свободе и несвободе либо вопрос о возможности свободы как таковой, а как на вопрос о комбинации элементов свободы и несвободы либо ограничений определенного рода, то есть проблему **симбиоза** различного рода более или менее жестких детерминаций человеческого существования и даже самого внутреннего мира человек – и возможностей личного варьирования собственными внутренними силами и направлением их вовне.

Предваряя это вынужденно эскизное рассмотрение, хотелось бы вспомнить, что и так называемая «внешняя» свобода не монолит, а, скорее, слоеный пирог, включающий, в частности, свободу политическую, экономическую и физическую. И для самоощущения конкретных индивидов и даже для целых групп одно совсем не обязательно жестко связано с другим. Например, спортсмена, который в так называемом «тоталитарном» обществе может в полной мере реализовать свои возможности, будут мало волновать декоративность элементов политической системы и т.д., так как они не будут ограничивать его практическую свободу самореализации. Более того, ограничения в одних сферах могут вести к перенаправленности вектора желаний и внутренней энергии. В личностном плане акцентирование внимания на такой возможности мы встречаем в адлеровской концепции гиперкомпенсации, в социокультурном плане, в подмеченном еще советскими исследователями сочетании политических ограничений в России последних десятилетий XIX века и взлета культуры, подъема научной мысли, связывавшегося с тем, что творческая энергия направлялась в те сферы, где было меньше внешнего давления. В советские же годы, мы, к примеру, видели, взлет космонавтики, с одной стороны, и «оттепельной» и более поздней поэзии – с другой.

Сказанное отнюдь не означает, что те или иные варианты политических, экономических или физических ограничений не способны ограничить «внутренний», творческий

потенциал индивида, представителей социальной группы или социума, если только речь не идет о пределе, обрисованном в чеховской «Палате № 6». Проблема очень сложна, и требуется развернутый анализ разнообразных комбинаций внешних «вызовов», стимулов и ограничений с учетом их количественных и качественных параметров и так называемой «внутренней» свободы. Так, определенное ограничение потоков информации, контактов и сфер деятельности может приводить и к особой концентрации внутренних, духовных сил, будь то еще пастушок Мухаммед, Пушкин в дни Болдинской осени или обитатель тюремной одиночки, где, по известному образному выражению, ограничение в пространстве обменено на время – время для движения мысли, не обремененной мелкими заботами.

Но, с другой стороны, и наличие политических, юридических и иных формальных свобод может сочетаться с нарастающей внутренней несвободой. Так, согласно исследованиям в России, где появилось свыше 50 миллиардеров и около ста тысяч «валютных миллионеров, заработков 50 млн. едва хватает на обеспечение минимальных норм питания, а еще «20 млн. страдают от голода» [7].

Совершенно очевидно, что, когда внимание человека сосредотачивается на выживании его самого и его семьи, веер возможных вариантов выбора, а вместе с тем и круг интересов – круг внутренней свободы сужается. Не менее, как показывает практика, а подчас еще более круг внутренней свободы, свободы мысли, фантазий, творческих устремлений сужается абсурдистской бюрократизацией многих сфер творческой деятельности, и прежде всего образования. У учителя, педагога, вынуждаемого заполнять бесконечное количество бумаг и электронных форм, следить за нескончаемо меняющимися циркулярами и т.д., и т.п., пространство внутренней свободы становится все более и более ограниченным: его ум, его душа поглощаются отчетами, формами и «механическими», по своей сути, видами деятельности, которые, подобно старинной барщине, оставляют очень мало времени и сил на собственно свободную творческую деятельность. Таким образом, то, что кажется удобным для чиновников, оказывается убийственным для творческого потенциала целых социальных групп и, следовательно, небезопасным для

поддержания жизнеспособности определенных культур и этносов.

Совершенно естественно, что в такой небольшой статье невозможно очертить все основные грани проблемы, тем не менее, представляется уместным обратить внимание на ряд ее аспектов, требующих самого серьезного и развернутого рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Всемирная философская энциклопедия. – М.: АСТ, Минск: Харвест, 2001. Статья М.А. Можейко.
- 2 Новейшая философия. Словарь. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006.
- 3 Мелихов А. И нет им воздаяния // Новый мир. – 2012. – №2.

4 Чехов А.П. Повести и рассказы. – М.: Олимп – ППП, 1993.

5 Секацкая М.А. Этические идеалы, логические ограничения и проблема свободы // Вопросы философии. – 2012. – № 2.

6 Степанянц М.Т. Культура как гарант российской безопасности // Вопросы философии – 2012. – №1.

Түйін

Мақала философиялық ізденіс пен көркемдік мәдениет жағынан «ішкі», рухани, «тыс» еркіндік жайлы сан сырлы мәселесіне арналған.

Conclusion

The article is devoted to the multifaceted problem of internal and external spiritual freedom in the light of philosophical surveys and culture.

ҒҰНДАРДЫҢ ТАРИХИ - ӘЛЕУМЕТТІК ЖАҒДАЙЫ

Ерманова С.Б.

Біздің заманымыздан бұрынғы бірінші мыңжылдықта қалыптасқан тайпалар одағы бірі – ғұндар, хундар-түркі халықтарының ата-тегі. Ғұндарды әр елде, түрлі замандарда түрліше атап келгені мәлім. Мәселен, қытайлар-хусюңгу, гректер-хойвол, латын тілінде сөйлетіндер – unni, Батыс елдері-huns, орыстар-хунну, түркі халықтары күн,хүн,ғұн деп атаған.

Ғұн тайпалары б.з.б. үшінші ғасырдың соңына қарай бір орталыққа бірігіп, ғұндар ордасын-ғұндар мемлекетін құрды. Аса қуатты, жақсы қаруланған, соғыс өнеріне жетік әскер қалыптасты.

Алғашқы кезеңде ғұндар Байқал көлі өңірін, Моңғолияны, Қытайды, Шығыс Түркістанды мекен етті. Б.з.б. 2 ғасырда қазіргі Батыс Қазақстан жерінде ғұндар ордасы пайда болды. Ғұндар ордасы Еділ мен Жайық өзендері аралығында орналасқан еді. Ғұндардың дәстүрлі құқық жүйесі болды. Бұл құқық жүйесі бойынша мынадай мәселелер көзделген деуге болады: «Ұрлық жасап, кінәлі болған адамның жері алынады. Шайқаста жаудың басын шауып алған немесе оны тұтқынға алған адамға бір кеспек шарап сыйланады, қолға түсірілген олжа соған беріледі, ал тұтқынға алынғандар соның құлдары мен күндері етіледі. Ұрыс даласында қаза тапқан адамның сүйегін кім әкелсе, оның отбасының бүкіл мүлкін сол алады».

«Ғұндар» беретін келе-«түркілер» деп аталып кетті. Бұл сөз-«күшті», «сұнғақ бойлы», «салт атты жауынгер» деген ұғымдарды білдіреді.

Ғұндар-түркі тайпасының арғы атасы екенін қытай тарихынан аударған ғалымның бірі-Абел Ремюза. Хун-гун-екеуі бір сөз,ескі дәуірдегі ғұндардың түрік екенін ең алғаш айқын суреттеген-академик.

Ғұндар мәдениеті мен әдебиеті түркі халықтарының арғы ата-бабалары саналатын ғұндардың біздің заманымыздан бұрынғы бірінші мыңжылдықтың өзінде-ақ төл жазуы, әдеби тілі, жоғары мәдениеті, сан салалы ғылымы, сәулет өнері, металл қорыту, қару-жарақ жасау кәсібі болғанын дәлелдейтін көптеген ғылыми еңбектер жазылды. Ал ғұн тілі көптеген бері зерттеліп келеді. Бір қатар ғалымдар (Р. Штилф, В.Ф. Миллер, В.Г. Васильевский, В.В. Радлов, Л.Н.Гумилев т.б.) ғұндардың тілі көне түркі тілі деген пікірге саяды. Содай-ақ олар Шығыс Азиядағы ғұндар мен кейінірек Еуропаға қоныс аударған ғұндар бәрі бір текті – түркі – моңғол нәсілінен екенін айтады.

Ғұндардың Еуропада құрған мемлекеті, яғни «Батыс ғұн империясы бүкіл адамзат мәдениетінің тарихында өзіндік із қалдырды. Зергерлік өнердің ерекше дамыған түрі – полихрома стилін алғаш батыс ғұн зергерлері